

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94 (470)

Володина Н.А.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ*

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию института культуры и искусства в советской системе политического контроля. Анализируется роль партийно-государственных органов в формировании советской интеллигенции и создании моностия. Рассматривается влияние советской идеологии на культуру и искусство.

Ключевые слова: политический контроль, культура, искусство, советская система политического контроля, институты политического контроля, воздействие, интеллигенция, власть, моностий, идеология, социалистический реализм.

Основы политизации культуры и искусства были заложены практически с первых дней существования советской власти. Учение о буржуазной и пролетарской культуре послужило теоретическим основанием ликвидации идеологического и политического плюрализма, явилось оправданием насильственного насаждения идеологического единомыслия. Главное предназначение искусства виделось в развитии лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху диктатуры.

Советская система политического контроля была направлена на укрепление власти: практически все социальные институты, в том числе культура и искусства, оказались огосударствленными в явной или скрытой форме. Сила воздействия культуры и произведений искусства на массовое сознание огромна, они обладают значительным властным потенциалом, навязывая (в советском варианте) определенное нормативное отношение к миру, людям.

Стремление власти контролировать культуру и искусство выразилось в их организационном оформлении, что прослеживается уже с начала 1920-х гг. В 1922 году И.В. Сталин писал: «Я думаю, что формирование советской культуры (в узком смысле слова) ... теперь только началось. Культура эта, по-видимому, должна вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами на новом поприще. Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе – в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем «общества развития русской культуры» или чего-нибудь в этом роде» [1, 38].

В середине 1920-х гг. были приняты решения, определяющие отношение власти к искусству: в мае 1924 г. были одобрены резолюции Отдела печати ЦК и XIII съезда партии, 18 июня 1925 г. – резолюция ЦК «О партийной политике в области художественной литературы». ЦК высказывался «за свободное соревнование различных

* © Володина Н.А.

группировок и течений в данной области» [2, 346]. Однако, осудив пролетарских писателей за их высокомерие, бестактность, нетерпимость, власть в итоге встала на их сторону, отвергая принцип невмешательства в искусство. А.И. Назаров, председатель Комитета по делам искусства при СНК СССР, говорил: «В условиях советского социалистического строя искусство впервые за всю его многовековую историю стало объектом государственного строительства и государственной политики» [3, 78]. Во второй половине 1920-х гг. появилась новая форма этого руководства – театральные художественно-политические советы, в состав которых вошли представители партийных органов. В 1928 г. при Агитпропе ЦК ВКП(б) состоялось совещание членов художественно-политических советов (ХПС), где было сказано, что ХПС должны стать органами контроля и обязаны отвечать за политическую линию, за политическое содержание театра [4, 133]: «Театр – это фабрика идеологии, непосредственный возбудитель и проводник в массу идей и эмоций ... роль театра, сильнейшего агитатора и пропагандиста, мощного рупора идей, будет расти и дальше... Театр сегодняшнего дня формирует общественную психологию, этику и эстетику, воздействуя на эмоции, повышает волю к борьбе и победе» [5, 92; 5, 94].

В начале 1930-х гг. курс на организационные основы политического контроля над искусством и культурой был усилен: «Пора взяться за планирование писательской продукции. Самотеку на этом участке фронта должен быть положен конец... Каждая книга, издаваемая нами, должна максимально отвечать задачам социалистической стройки» [6, 3]. Особое внимание уделялось кино – являясь одним из самых эффективных методов транслирования идеологических установок в массовое сознание, оно помогало привить населению желательные для власти взгляды. Осуществление художественно-идеологического руководства возлагалось на киноорганизации, тогда как политический контроль считался прерогативой Главрепеткома [7]. Роль непосредственных творцов произведений киноискусства сводилась к строгому следованию обозначенной линии, которая выстраивалась в соответствии с главной задачей – «всемерно усилить руководство работой киноорганизаций и, обеспечивая идеологическую выдержанность кинопродукции, решительно бороться с попытками приспособления советского кино к идеологии непролетарских слоев» [8].

В 1936 г. начинает работать Всесоюзный комитет по делам искусств под руководством П. Керженцева, бывшего пролеткультовца. Возникает аппарат жесткого контроля за учреждениями искусства. В литературе эту роль выполнял Союз советских писателей. Одновременно главная газета страны – «Правда» начинает массированную публикацию материалов по искусству, особенно в первой половине 1936 г. Эти материалы по существу являются открытыми директивами, после которых разворачивались «проработочные» дискуссии в творческих коллективах, абсолютно чуждые какой-либо толерантности. В 1935 г. в «Правде» была напечатана статья «Задачи литературной критики», в которой художественная критика была приравнена к цензуре: «Подлинная социалистическая критика отличается, прежде всего, партийной публицистической заостренностью, своим умением изучать и оценивать каждое явление современной или старой литературы с точки зрения «хода и исхода борьбы пролетариата» [9]. В январе – апреле 1936 г. в «Правде» был помещен целый цикл громких статей, которые затрагивали практически все виды искусства. Первая публикация – «Сумбур вместо музыки» – 28 января [10], вторая – «Балетная фальшь» – 6 февраля [11]; затем – «Какофония в архитектуре» – 20 февраля [12]; четвертая – «О художниках-пачкунах» – 1 марта [13]. Первая публикация от 28 января – «Сумбур вместо музыки» совпадает с учреждением Комитета по делам искусств. Все тексты являются редакционными. Им сопутствовал целый шлейф более мелких статей на ту

же тему и в том же ключе. Подчеркнем, что тон статей – агрессивный, слова – оскорбительные (пачкуны, мания величия, извращенные вкусы буржуазной аудитории и т.д.). Недаром ругательства выносятся именно в заголовки, как это было, например, со статьей В. Кеменова «Формалистическое кривлянье в живописи» [14].

Итак, произошла аппаратизация культуры: создание организаций работников культуры и искусства облегчала властям политический контроль над этой сферой, позволяло использовать деятелей культуры в политических кампаниях.

Политический контроль в культуре и искусстве нашел свое отражение в формировании лояльной власти интеллигенции. В 1925 году, на встрече с советской интеллигенцией Н. Бухарин откровенно заявил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике» [15, 27]. С конца 1920-х гг. Сталин развернул «истребительный поход» против интеллигенции как общества, довольно критично относившегося к деяниям власти. В 1931 г. начинается кампания «покаяния» интеллигенции, отрекающейся от «классово-чуждых» родных и близких, доходящей до самоунижения: «Мы, писатели интеллигенты, должны писать о самих себе, должны разоблачать самих себя, свою «интеллигентность»... Я хочу перестроиться. Конечно, мне очень противно, чрезвычайно противно быть интеллигентом... Это слабость, от которой я хочу отказаться» [16, 5]. Покаяния происходили и в дальнейшем. Например, В.М. Киришин писал Сталину в 1937 году: «Дорогой товарищ Сталин! Благодаря своим безобразным поступкам, общению с проклятыми врагами народа, политической слепоте, разложению, которому я поддаюсь, я попал в страшный круг, из которого я не в состоянии вырваться. Товарищи мне не доверяют, ни один голос не поднимается в мою защиту, потому что с слишком подлыми врагами я имел дело, потому что вел себя недостойно коммуниста» [17, 373].

Чтобы вписаться во властную элиту, интеллигенция должна платить безоговорочным подчинением – «перековкой». Это давало право занять высокое место в социальной иерархии, войти в специализированную группу, «коллектив» создателей культуры или культурных экспертов: «верхушечная» интеллигенция стала одной из групп, наиболее податливой к привилегиям... Однако такая система имела и свои последствия. Сын Вс. Иванова Вячеслав писал: «Если бы меня спросили, какова была государственная идеология того писательского круга, с которым я был хорошо знаком с детства, коммунистическая или антикоммунистическая (говоря на популярном теперь языке), я бы не задумываясь, ответил: ни та, ни другая. Господствовал цинизм. Для многих литература была выгодным промыслом, писатели (да и актеры, и люди других искусств) сознательно шли на сделку, ни во что не веря, и даже не очень это скрывая...» [18, 187]. Творческую интеллигенцию препровождали на прокрустово ложе нормативной эстетики, «эстетической принудилки», которая «происходит по традиции от Чернышевского и других революционеров-марксистов вплоть до Ленина. Что-то вроде Спарты» [19, 148].

Множество стилей и направлений, существовавшее в предреволюционной России, никак не могло способствовать достижению главной задачи власти – установлению тотального контроля, укреплению новой политической системы. Формирование единообразия мировоззрения и поведения людей в задаваемых идеологических рамках происходило и посредством введения безальтернативного моностиля.

Некоторые постулаты эстетики соцреализма были заложены еще Л. Троцким, начавшим советскую традицию подхода к художественным явлениям не с эстетической, а с политической точки зрения [20, 45]. В этой концепции классовое всегда превалирует над общечеловеческим и индивидуальным, а художественное сознание есть

разновидность политического. Название единого метода, провозглашенного властью – социалистический, скорее относилось не к искусству, а к пропаганде – «никто ведь не может отличить социалистически изваянную ногу от империалистически изваянной ноги» [21, 43].

В 1932-1934 гг. идет работа по выяснению концепции соцреализма как унифицированного мировоззрения. Тогда же завершается перестройка художественной школы, которая призвана гарантировать единое направление воспитания новых творческих кадров. Осенью 1932 и в 1933 г. начинается широкая кампания по обработке всех действующих художественных кадров, задача которой заключалась в структурировании метода соцреализма. Позитивная репрезентация соцреализма сопровождалась конкретными указаниями форм и стилей искусства, неприемлемых властями. Шла глобальная селекция творческих кадров. Чиновник от литературы И. Лежнев на I съезде писателей заявлял: «Многое дал писателю его идейный перелом 1931 г. Остальное ему дал своим постановлением ЦК в 1932 г.» [22, 175]: «Социалистический реализм требует от художника правдивого изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма». По словам главного редактора Гослитиздата И. Беспалова: «Социалистический реализм – замечательное определение метода советской литературы... советский художник слова основным критерием оценки воспроизводимого материала действительности избирает идею социализма; воспроизводит действительность в ее движении, в ее развитии» [23, 272]. Появляется моностилистическая культура, к которой можно отнести слова М. Пришвина, сказанные им, правда, о литературе: «Нынешняя литература похожа на бумажку, привязанную детьми к хвосту кота: государственный кот бежит, а на хвосте у него бумажка болтается – эта бумажка, в которой восхваляются подвиги кота, и есть наша литература» [24].

Соцреализм стал «героическим стилем», противопоставив себя «безгеройности» буржуазного «реализма», поставившего во главу угла полную страданий судьбу пассивного «маленького человека». Во всех официальных документах настойчиво проводилась мысль о соцреализме как высшей форме правдивого отображения действительности. Власти утверждали: «Наша культура является самой передовой культурой, которую только знала человеческая история, поэтому это общество окрашено оптимизмом, выражающим радость сталинской эпохи, и каждый член общества в своей деятельности руководствуется чувством любви к партии, Сталину, народу, родине» [25].

Таким образом, способность культуры и искусства воздействовать на поведение людей, влиять на их психологическое состояние, эмоции, настроения эксплуатировалось властью. Создание организаций работников культуры и искусства, целенаправленное формирование подконтрольной интеллигенции, моностили не оставляли возможности для существования альтернативных направлений в культуре и искусстве. Культура и искусство были включены в советскую систему политического контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть. М., 1993.
2. О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954.
3. Советская культура: Сб. речей и выступлений советских и партийных деятелей. М., 1939.
4. Театральные художественно-политические советы // Коммунистическая революция. 1928. № 23-24.
5. Глебов А. Театр сегодня // Печать и революция. 1929. №10.
6. Книга – на службе социалистического строительства // Литература и искусство. 1931. № 1.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 113. Д. 692. Л. 2.
8. Там же. Л. 86-87.
9. Задачи литературной критики // Правда. 1935 г. 2 марта.
10. Сумбур вместо музыки // Правда. 28 января.
11. Балетная фальшь // Правда. 1936 г. 6 февраля.
12. Какофония в архитектуре // Правда. 1936 г. 20 февраля.
13. О художниках-пачкунах // Правда. 1936 г. 1 марта.
14. Формалистическое кривлянье в живописи // Правда. 1936 г. 6 марта.
15. Бухарин Н. И. Судьбы современной интеллигенции. М., 1925.
16. Писатели- интеллигенты // Литература и искусство. 1931. №1.
17. Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть. М., 1993. С. 373.
18. Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. №1.
19. Пришвин М. Дневники 1931 – 1932 гг. // Октябрь. 1990. № 1.
20. Троцкий Л. Д. Литература и революция. - М., 1991.
21. Олеша Ю. Тема интеллигента // Стройка. 1930. № 3.
22. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934.
23. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990.
24. Пришвин М.И. Дневники 1931 – 1932 // Октябрь. 1990. №1.
25. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 377. Л.17.

N. Volodina

CULTURE AND ART IN THE SOVIET SYSTEM OF POLITICAL CONTROL

Abstract: The article devoted to foundation and development of the institute of Culture and Art in the Soviet system of political control. The role of the Party and state or gone in the formation of Soviet intelligence and monistyle formation is analysed. The Soviet ideology influence on culture and art is observed.

Key words: political control, culture, art, soviet system of political control, institutes of political control, influence, intelligence, power, monistyle, ideology, socialism realism.